

Глеб Иванович Успенский

Заячья совесть

Очерки переходного времени

Глеб Успенский

Заячья совесть

«Public Domain»

1885

Успенский Г. И.

Заячья совесть / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1885 — (Очерки переходного времени)

«...Однажды на письменном столе в моей деревенской рабочей комнате я нашел большой, неуклюжий конверт, запечатанный и закапанный сургучом; и несмотря на многосложнейший адрес, занимавший всю свободную от сургуча сторону конверта, я только с большими усилиями мог догадаться, что конверт адресован действительно мне, а не кому-нибудь другому. Распечатал я этот конверт и нашел в нем следующее письмо, старинным почерком написанное на целом листе писчей бумаги...»

Содержание

1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Заячья совесть

(Из разговоров с другим старым бурмистром)

1

Однажды на письменном столе в моей деревенской рабочей комнате я нашел большой, неуклюжий конверт, запечатанный и закапанный сургучом; и несмотря на многосложнейший адрес, занимавший всю свободную от сургуча сторону конверта, я только с большими усилиями мог догадаться, что конверт адресован действительно мне, а не кому-нибудь другому. Распечатал я этот конверт и нашел в нем следующее письмо, старинным почерком написанное на целом листе писчей бумаги:

«Вы много пишете и ищете ключа к щекотулке действительной жизни, желаете надавить пружину, чтобы обозначилось, в чем заключается будущее народа и в чем состоит действительное благо. Только щекотулка не поддается пытливости вашей!

...Может быть, вы, пишущие и обдумывающие, и есть патриоты истинные, но наверное в числе меньшинства, за громадным большинством подавляющим. Вдревле бог поддержал Савла: «Савле, Савле! Что мя гониши? Трудно тебе противу рожна прати!»¹ Следовательно, оказал поддержку: «Знаю, мол, что тебе трудно, однако – крепись!» А нониче из тьмы большинства то же самое слышите вы глас, только это глас зла!..

...Много я в жизни претерпел разных ролей и ничего не нашел; рад, что семейство не помрет с голоду, – но и на этот покой я уже впоследствии только согласился, то есть со взглядами мыслящих в большинстве: «не та честь, которая честна, а та, которая в кармане видна». А в прежнее время я все смотрел на расхищение бога по своим карманам, смотрел болезненно и бессильно. Скорбела моя душа, и даже проект обнародовал о благе, надеялся на сильных, и славных, и именитых; только сильные эти думали о себе, а не о благе, и все разрушилось!

А как все разрушилось, так и сильные стали рыться на пепелище, как после пожарища, ища золота или чего порядочного, и дорылись до моего проекта, да люди-то все тончайшие для своего только блага; для них, подобно Наполеону Третьему, —

Хоть весь свет в огне гори,
Лишь бы быть мне в Тюльери!

А ведь время идет, и прошло двадцать лет, и как я воротился в свою сторону и увидел: думали, что вечные столбы тысячелетия простоят, и никто насчет их пригодности не любопытствовал, и так, мол, прочны для здания, – и что же? Их уже червь подточил, тот самый червь, который на пепелище-то потом рылся, после разрушения-то и пожарища, червь-то, разрушитель всего, и подточил столбы вековые!

...Печатание же о крестьянском быту – все бесполезно; сколько ни пишете, бумага все терпит, а зло идет неустанно, оно не только что не лежит, но и не дремлет, и спать никогда не будет, и всех и вся гонит к розни!

¹ «Савле, Савле! Что мя гониши?» – Автор письма Сидор Коробков приводит цитату из книги «Деяния апостолов» (IX, 4). Савл – иудейское имя апостола Павла (христианская мифология). «Трудно тебе противу рожна прати» – наступать против рогатины, копыя (Даль).

Милостив господь – до время!
Терпит до последних дней!
О, несносно будет бремя
Избранных творцом людей!
Гнев господень возгорится,
Славу явит бог мирам!
На воздушных объявится
И рассудит по делам!
Своды неба потрясутся
От его движенья перст!
Все народы возмздутся
На пространстве многих верст!..»

Тотчас после стихов, без всяких дальнейших объяснений, следовали такие строки: «Ежели угодно меня видеть для беседы, то после осьмого часу, вечернего чаю, могу вас принять у себя; по преклонности моих лет и болезней, ни в каком случае прошу меня не требовать для объяснений». И, наконец, следовала подпись: «бывший доверенный графов Гусыниных, крестьянин – ской губернии Сидор Коробков».

Фамилия Коробковых стала известна мне с весьма недавнего времени; несколько месяцев тому назад принесли с почты вместе с письмами карточку-объявление на толстой бумаге о продаже керосина, такого содержания:

Главный и центральный агент
высших нефтяных продуктов
Н. Коробков
получает керосин, масла, бензин, олеофин
из первых рук.
Экспорт бочками по востребованию.
Париж, Лондон, Филадельфия.
Высшие награды.

А вслед за этим объявлением, разосланным по всем селам, деревням и помещичьим домам в окрестности, на станции железной дороги стали появляться керосиновые вагоны-цистерны; «закипело» новое, небывалое керосиновое «дело», и закипело совсем на новый лад; прежде здесь шли только сенные дела, и шли, во-первых, на чистые деньги, – мужику деньги *сейчас* нужны, – а во-вторых, шли так, как богу угодно: сегодня «дают» семь копеек, а завтра двадцать семь, а послезавтра, глядишь, сено и «заиграло» до полтины, а потом опять спустилось до пятака. Словом, как богу и Петербургу угодно, так и шло, такие цены и брали. Совсем не так повел дело центральный агент, – широчайший кредит всем и каждому, конечно под расписку; никакого спора в ценах: «ниже всех» – вот цена, объявленная центральным агентом. И немедленно возникло новое, небывалое в наших местах явление – биржевая игра. У кулачишек, у мужичишек явилась жажда хватать бочки с керосином в долг и тут же перепродавать с барышом. Словом, дела действительно «заиграли», а вслед за тем пошли слухи: «прогорит», «беспременно прогорит», «лопнет». И в ту самую минуту, когда все думали, что «лопнет» и что агента поглотит вновь прибывший «жид», – повсюду разнеслась новая весть, и весть, правду сказать, до чрезвычайности радостная для всего кулацкого мира, именно весть о том, что центральный «надул жида!» «Надут жида», то есть перехитрить самую филигранную работу плутовства, – это огромная заслуга и величайшее удовольствие для всех наших кулачишек, толкущихся около станции. И все это сделалось в самое короткое время, и сделал все это очень молоденький, вполне приличный мальчик, лет двадцати, которого я очень часто встречал на

вокзале железной дороги. С самой милой улыбкой на молодом лице, с самыми вежливыми приемами обращения, в опрятно надетой шведской куртке, он был совершенно новым явлением среди первобытного кулачья, обиравшего народ «по сенной части»: и манера торговать, и манера надуть, и манера держать себя, и совершенно правильная речь, испещренная словами «экспорт», «коносамент», все это было чрезвычайно ново и возбуждало к молоденькой, веселой, ласковой и предупредительной фигурке центрального агента всеобщее ласковое внимание, особенно после того как он, не теряя ни ласковости, ни вежливости, сумел «надуть жида» и остался после этого тем, чем и был до сих пор.

Мужик, принесший письмо и заглянувший ко мне на другой день, чтобы спросить: «не будет ли какого ответа?», объяснил мне, что этот «центральный агент» есть самый младший сын того старика Коробкова, который прислал мне письмо; что другие дети его держат в разных селах лавки и трактиры, но что сам старик не мешается «в эти дела», так как деятельность центрального агента до того не по сердцу старика, что не раз он грозился «проклясть» сына, несмотря на то, что в Лондоне, Париже и Филадельфии дело его получило высшую награду. Рассказал мне этот мужик, что старик – человек старого «завету», старого «лесу», твердый, кремневый, «упорный», что нониче таких мало стало, что, одним словом, башка на плечах у него здоровая. Была проведена параллель между нынешним шаромыжным направлением наживы, представителем которого был молодой Коробков, и старым образом жизни, образчиком которого наилучшим образом мог служить Коробков-старик, и все выгоды этой параллели, с крестьянской точки зрения, остались за стариной. Старик честен, внимателен к мужику, не только наживает, но и добро делает, помогает и т. д. Узнал я также, что старик держит, неподалеку от нашей станции, большую мукомольную мельницу, где и живет почти безвыездно.

– Да уж верно, – говорил крестьянин, принесший письмо, – что таких людей по нынешнему времени совсем не видать... Что нониче? Хотя бы сына его, Николашку, взять, – какое подобие со стариком? Этому, Николашке-то, только бы деньги наживать, только бы ассигнации в руки попадали, больше ему ничего не надо, «все, мол, купить можно!» – вот нынешняя манера. Ну, а по-стариковски-то не так, – не туда! Деньги нужны всякому, и старому деньги нужны, только совесть-то ему дороже денег. Возьмет и он деньги, только чтоб совесть не повредить, с сердцем своим посоветуется; вот в чем главное-то дело! Ему бы на своем веку-то как можно было хватать? Полный доверенный по всем статьям, во всех угодах, – господа эво где, за тридесять земель, – загребай в лапы все-всякое! Да совесть в нем человечья была, вот в чем расчет-то! Конечно, что польза ему была, говорить нечего, но чтобы правду забыть, чтобы, например, бога без внимания оставить, вот уж этого нет! А нынешний уж давно бы и господ и мужиков «под одно» объегорил, да в пиньжак бы вскользнул из полушубка-то, да с цыгарой в зубах в первом классе и укатил бы с курьерским в Петербург; а насчет того, что целую тьму народу на своей наживе потоптал, это ему горя мало! Есть об чем беспокоиться!.. Ну, а старик-то не-эт! Не такой породы!

Еще долго посланный стариком мужик расхваливал и на всевозможные лады, как говорится, расписывал «редкостного по нынешним временам старца», – но не знаю, удалось ли бы ему этими похвалами настолько соблазнить меня, чтобы я возымел желание завязать личное знакомство со стариком Коробковым. Немало уж на своем веку видал я этих «упорных», «твердых» и разных иных наименований стариков, обыкновенно весьма неумеренно расхваливаемых либо стариками же, либо людьми, приближающимися к старости и выставляющими расхваливаемых ими людей как таких, каких теперь и в помине нет. «Теперь таких людей нету! Где!» Выходило даже так, что умри, например, Кузьма Иванович, старик из числа таких, каких теперича нет нигде, – так даже жутко становилось за будущее: «как же это мы все-то, вся-то Россия, жить будем, ежели Кузьма-то Иванович, сохрани бог, умрет?» Но, к сожалению, при более близком личном знакомстве с этими упорными и твердыми стариками, с людьми, «каких мало», – оказывалось, что крепостной опыт этих стариков неширок, невелик по разме-

рам потребностей, которым опыт этот умел отвечать и которые теперь неизмеримо сложнее, шире и многозначительнее. Еще так ли, сям ли «упорный» старик сумеет начертать довольно яркую картину современной деревенской неурядицы, но чтобы исцеляющим все недуги средством он не почитал прежде всего «строгость» и чтобы в его благообразно-старческих речах не чувствовалось присутствие основной мысли о каком-то религиозно-нравственном кулаке или отечески-доброжелательном тумаке, любвеобильной палке, – этого ни один из «упорных» старцев никоим образом не мог избежать в своих прожектах о том, что надо было бы делать теперь, и выше этого религиозно-любезного кулака никоим образом не мог подняться в своих мечтаниях. Признаюсь, даже и надоели мне эти почтенные люди; конечно, жалко смотреть на человека, который совершенно искренно возмущен непорядками, и нельзя не разделять его огорчения; но один уж язык, которым говорят огорченные старики, положительно иной раз измучивает до последней степени: легко ли дело толковать о тысяче таких вопросов, о которых пришлось думать впервые лет под семьдесят, и впервые же изобретать слова и обороты речи небывалые, чтобы выразить небывалые мысли. Иной бормочет долго, говорит по множеству слов сразу, и таких слов, что только кожа трещит за ушами у слушателя. А в конце концов и окажется все то же – «строгости иет». Думаю, что похвалы мужика не разохотили бы меня на знакомство еще с новым «упорным» стариком и не возбудили бы желания «поскорее», покуда еще г. Коробков не умер, побежать к нему и выведать секрет исцеления общественных недугов, но сам г. Коробков был точно человек «упорный» в желании разговаривать, ибо в тот же самый день и тот же самый мужик опять принес мне записку такого содержания: «Окончательно уезжаю к своему делу нонешнего числа на ночной, четырехчасовой машине. В противном случае меня невозможно будет видеть раньше как об Святой. Следовательно, могу принять только на короткое время!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.